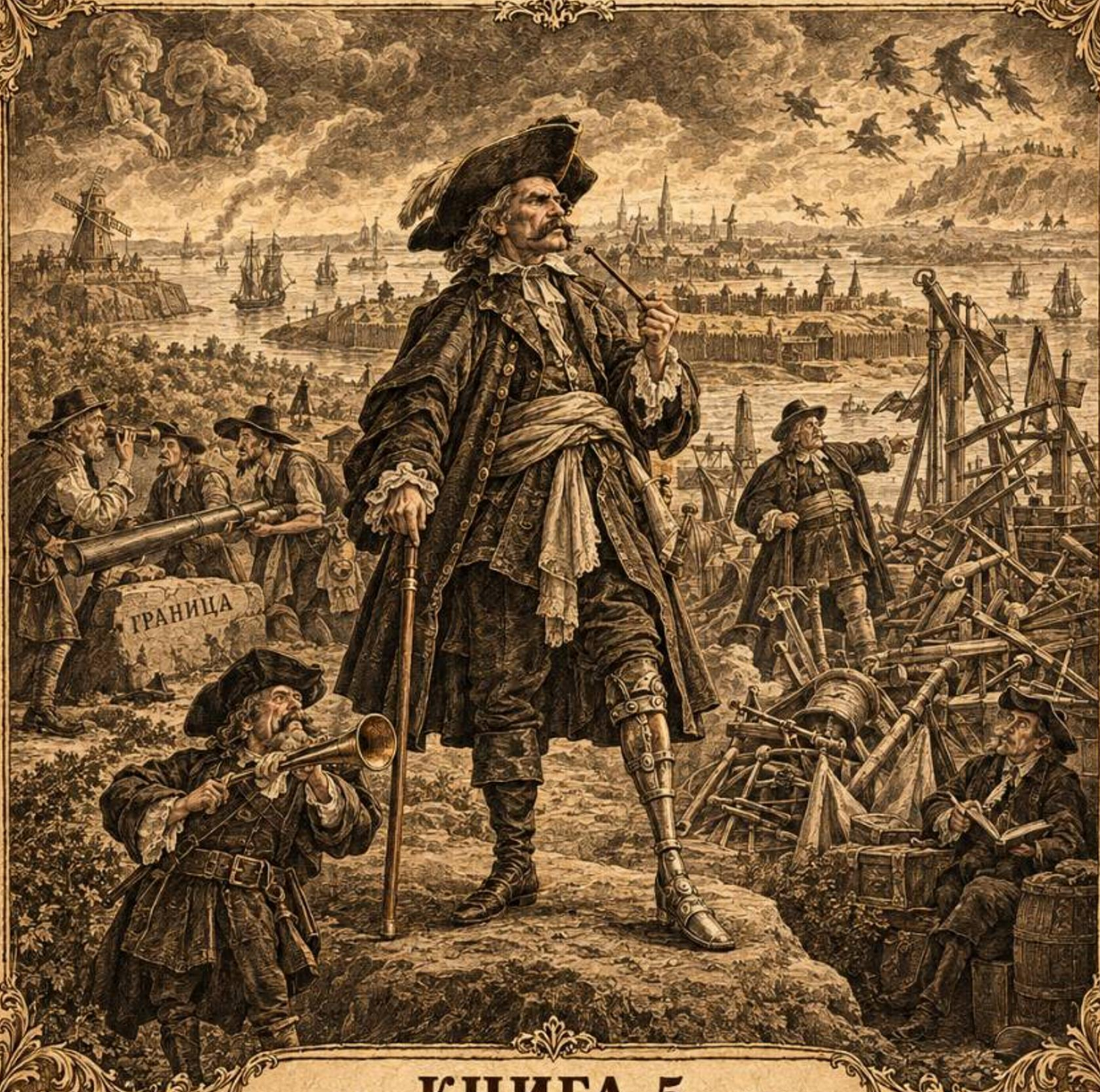

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

КНИГА 5

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

ЦАРСТВОВАНИЕ ПИТЕРА СТЁЙВЕСАНТА

Вашингтон Ирвинг

История Нью-Йорка. Книга 5

«Автор»

2026

Ирвинг В.

История Нью-Йорка. Книга 5 / В. Ирвинг — «Автор», 2026

Пятая книга «Истории Нью-Йорка» представляет самого колоритного героя саги — Питера Стёйвесанта, прозванного Твердоголовым. Высокий, костистый, с львиной осанкой и деревянной ногой, украшенной серебром, он берётся спасти гибнущую провинцию. Не читая Платона и не доверяя советам, он действует напролом: разгоняет болтливых советников, сносит ветряные мельницы предшественника, вооружает город частоколом и батареями. Его ждут переговоры с янки, где крошечная голландская подзорная труба сразится с гигантской китобойной, обвинение в заговоре, чума колдовства в Новой Англии и милиция, разбежавшаяся под дождём. Ирвинг создаёт портрет человека, который пытается удержать рушащийся мир лишь несокрушимой волей — смешного и величественного одновременно.

© Ирвинг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вашингтон Ирвинг История Нью-Йорка. Книга 5

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

Книга вторая

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

Вашингтон Ирвинг

Перевод с адаптацией для современного читателя

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Для современного читателя

Дорогой читатель!

Пятая книга «Истории Нью-Йорка» — та, где на сцену наконец выходит настоящий герой. Знакомьтесь: Питер Стёйвесант, последний и, пожалуй, самый колоритный из голландских губернаторов.

Если Воутер Сомневающийся только курил и размышлял, а Вильгельм Вспыльчивый суетился и изобретал, то Питер Твердоголовый (так его прозвали голландцы) просто берёт и делает. Он не знает греческого, не читает Платона и не доверяет советам. Зато у него стальной характер, львиное сердце и деревянная нога с серебряными накладками, которой он гордится больше всех остальных конечностей, а споры предпочитает решать тростью — к немалому страху своих приближённых.

Вы увидите, как Питер наводит порядок в колонии: увольняет болтливых советников, разгоняет милицию (которая попросту разбежалась под дождём), гоняет трубача Антони Ван Корлара вместо военных действий и снабжает город частоколом и батареями. Вы станете свидетелями дипломатических переговоров с янки, где крошечная голландская подзорная труба сражается с гигантской китобойной трубой противника. И, конечно, вас ждёт «чума колдовства», которая спасла Новый Амстердам от войны самым неожиданным образом.

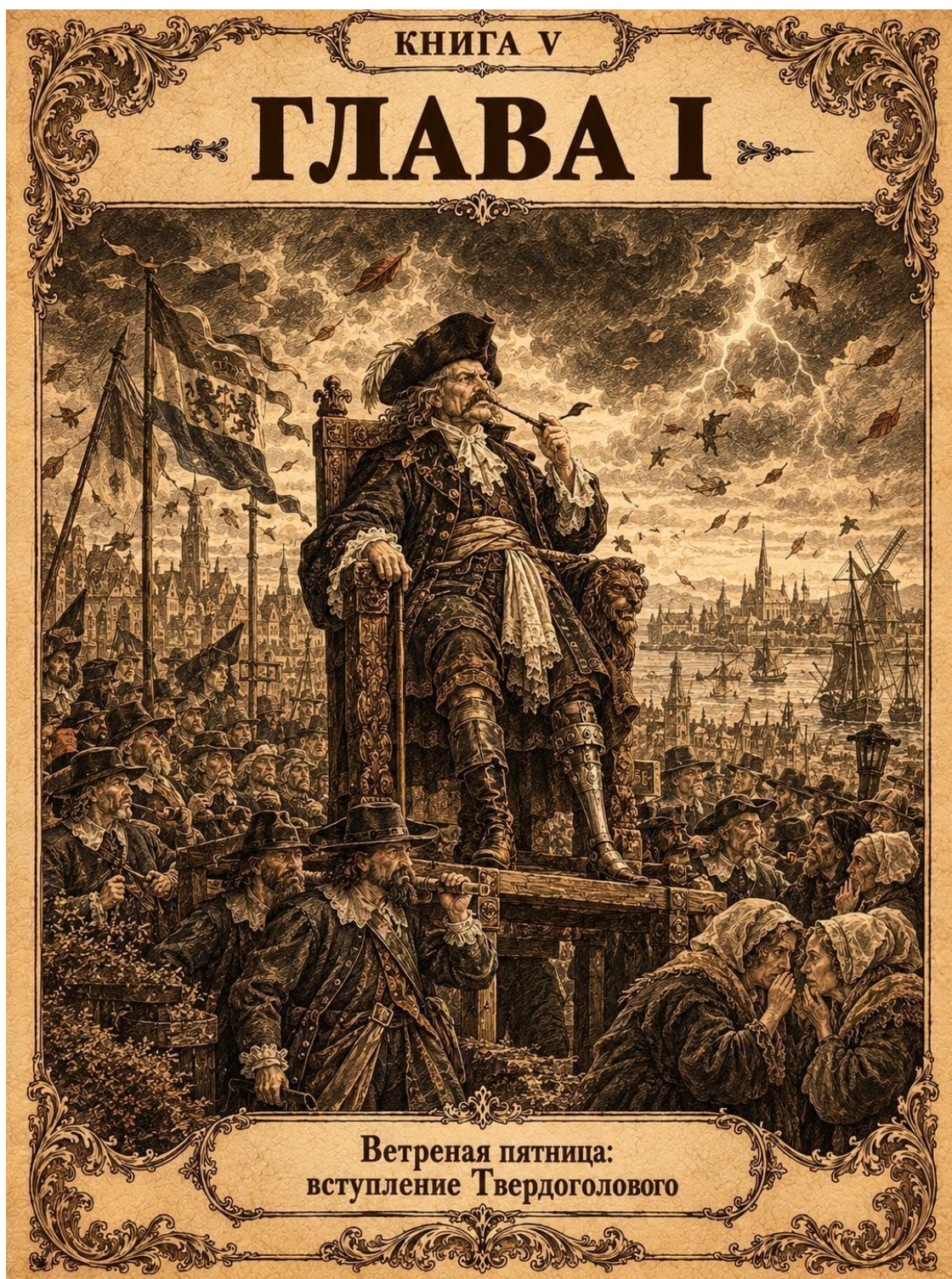
Но за этим фарсом скрывается нечто большее. Ирвинг рисует портрет человека, который пытается удержать рушащийся мир, полагаясь только на себя, — смешного и величественного одновременно, как и подобает герою комической эпопеи.

Н. Г.

КНИГА ПЯТАЯ

Содержащая первую часть царствования Питера Стёйвесанта и его затруднений с Амфиктионийским советом

ГЛАВА I

Для глубокого философа, каков ваш покорный слуга, привыкшего видеть предмет насквозь там, где проницательность обыкновенных людей проникает лишь наполовину, нет факта более простого и очевидного, нежели тот, что смерть великого мужа есть дело весьма малой важности. Сколь бы высоко мы ни мнили о себе и сколь бы пустых рукоплесканий толпы ни вызывали, достоверно то, что величайшие из нас занимают в мире на деле лишь чрезвычайно малое пространство; и столь же достоверно, что даже это малое пространство весьма скоро заполняется вновь, стоит нам его освободить. «Какое, — говорил Плиний, — имеет зна-

чение, появляются ли отдельные лица или сходят со сцены? Мир есть театр, чьи декорации и актёры беспрестанно сменяются». Никогда ещё философ не изрекал более верной мысли, и я лишь дивлюсь, как столь мудрое замечание могло просуществовать столько веков, а человечество так и не приняло его близко к сердцу. Мудрец следует по стопам мудреца; один герой лишь ступает с триумфальной колесницы, дабы уступить место следующему за ним герою; а о гордейшем из монархов говорится не более чем: «он почил с отцами своими, и преемник его воцарился вместо него».

Мир, сказать по чистой правде, весьма мало заботится об их утрате и, будучи предоставлен самому себе, скоро забыл бы горевать; и хотя тот или иной народ нередко фигурально утопал в слезах по случаю смерти великого мужа, десять против одного, что при этом не пролилось ни единой настоящей слезинки, разве что из голодного пера какого-нибудь автора. Именно историку, биографу и поэту приходится нести на себе всё бремя скорби; они, добрые души, точно английские гробовщики, исполняют роль главных плакальчиков; они наполняют целую нацию вздохами, коих та никогда не выпускала, и затопливают её слезами, о коих та и не помышляла проливать. Так, покуда патристичный автор рыдает и стонет в прозе, в белом стихе и в рифме, собирая капли всенародной скорби в свой том, точно в слёзную урну, более чем вероятно, что его сограждане в это самое время едят и пьют, играют на скрипке и танцуют, столь же не подозревая о горестных сетованиях, что возносятся от их имени, как не подозревают о том соломенные истцы Джон Доу и Ричард Ро о тех тяжбах, в коих их великодушно назначают поручителями.

Славнейший из героев, когда-либо опустошавших народы, мог бы истлеть в полном забвении среди обломков собственного памятника, не найдись какого-нибудь историка, что взял бы его под своё покровительство и благодетельно передал его имя потомству; и сколь бы ни хлопотал, ни суетился, ни мятежничал доблестный Вильгельм Кифт, покуда судьбы целой колонии находились в его руках, я всерьёз сомневаюсь, не будет ли он обязан именно этой достовернейшей истории всей своей будущей славой.

Уход его не вызвал никаких потрясений ни в городе Новом Амстердаме, ни в его окрестностях; земля не содрогнулась, ни одна звезда не сорвалась со своей сферы; небеса не облеклись чернотой, как то охотно уверяли бы нас поэты при смерти всякого героя; скалы (бессердечные негодницы!) не растаяли слезами, деревья не склонили головы в безмолвной скорби; что до солнца, то оно в следующую же ночь пролежало в постели ровно столько же и явило столь же весёлый лик, восходя поутру, как и в тот же день месяца любого другого года, до того или после. Добрый народ Нового Амстердама, все до единого, объявили, что покойный был весьма деятельным, хлопотливым, суежливым маленьким губернатором; что он был «отцом отечества»; что он был «благороднейшим творением Божиим»; что «человек он был, если рассудить по совести, такой, какого им уже не видать более», — вкупе с прочими учтивыми и прочувствованными речами, положенными при кончине всякого великого мужа; после чего они раскурили трубки, более о нём не думали, и на его место заступил Питер Стёйвесант.

Питер Стёйвесант был последним и, подобно прославленному Воутеру Ван Твиллеру, лучшим из наших древних голландских губернаторов; если Воутер превзошёл всех, кто предшествовал ему, то Питер, или Пит, как его по-свойски звали старые голландские бюргеры, всегда склонные сокращать имена, так никогда и не был превзойдён ни одним из преемников. Он и вправду был тем самым мужем, коего сама Природа предназначила для того, чтобы поправить отчаянное состояние своей возлюбленной провинции, — когда бы не Парки, эти могущественнейшие и неумолимейшие из древних пряль, не обрекли её на неразрешимую путаницу.

Сказать просто, что он был героем, значило бы жестоко умалить его: он был, по правде говоря, соединением героев разом; ибо был он крепкого, костистого сложения, точно Аякс Теламонид, с парой круглых плеч, за какие сам Геракл отдал бы свою шкуру (то есть львиную), когда взялся снять с бедного Атланта его ношу. Более того, он был, как Плутарх описывает

Кориолана, страшен не одной лишь силой руки, но и голосом, звучавшим, точно из бочки; и, подобно тому же самому воителю, питал державное презрение к державному народу, а взор его был железен настолько, что одного его хватало, чтобы заставить самые внутренности противников содрогнуться от ужаса и смуты. Всё это воинственное великолепие облика было невыразимо усилено одним случайным преимуществом, коим, дивлюсь, ни Гомер, ни Вергилий не удостоили ни одного из своих героев.

Было это не что иное, как деревянная нога — единственная награда, добытая им в доблестных сражениях за отечество, но коей он так гордился, что нередко можно было слышать, как он заявлял, будто ценит её более всех прочих своих конечностей, вместе взятых; более того, ценил он её столь высоко, что галантно оправил её и украсил серебряными накладками, отчего в разных историях и преданиях сообщается, будто он носил серебряную ногу.

Подобно тому желчному воителю Ахиллу, он был несколько подвержен внезапным вспышкам гнева, довольно неприятным для его любимцев и приближённых, чьё восприятие он имел обыкновение обострять на манер своего прославленного подражателя, Петра Великого, умащая их плечи своею тростью.

Хотя я не могу найти, чтобы он читал Платона, или Аристотеля, или Гоббса, или Бэкона, или Алджернона Сиднея, или Тома Пейна, он всё же порой обнаруживал в своих мерах такую проницательность и прозорливость, каких вряд ли ожидаешь от человека, не знавшего греческого и никогда не изучавшего древних. Верно и то, — и признаюсь в этом с прискорбием, — что он питал неразумное отвращение к экспериментам и предпочитал управлять своей провинцией самым простым образом; но зато умудрялся держать её в лучшем порядке, нежели учёный Кифт, при всей помощи и всей путанице, что вносили в его дела философы, древние и новые. Должен также признать, что он издал весьма немного законов, но зато позаботился, чтобы эти немногие исполнялись неукоснительно и беспристрастно; и, право, не знаю, не отправлялось ли правосудие в целом столь же исправно, как если бы ежегодно издавались тома мудрых актов и статутов, ежедневно нарушаемых и забываемых.

Он был, по сути, совершенной противоположностью своим предшественникам, не будучи ни спокойным и бездеятельным, как Уолтер Сомневающийся, ни беспокойным и суетливым, как Вильгельм Вспыльчивый; но мужем, а вернее сказать, губернатором столь необычайной деятельности и решительности ума, что никогда не искал и не принимал советов других, доблестно полагаясь на одну лишь свою голову, как некогда герой древности полагался на одну лишь свою руку, дабы преодолеть все трудности и опасности. По правде говоря, недоставало ему для полноты государственного мужа лишь одного — думать всегда правильно, ибо никто не мог бы отрицать, что действовал он всегда так, как думал. Он никогда не был человеком, способным дрогнуть, оказавшись в затруднении, но напролом продвигался сквозь любые препятствия, полагаясь на то, что тем или иным способом в конце концов всё уладится. Одним словом, он обладал в высшей степени тем великим для государственного мужа качеством, что учтивые люди именуют упорством, а простонародье прозывает упрямством. Дивное средство от всех должностных промахов! ибо тот, кто упорствует в заблуждении, не дрогнув, снискивает славу смелости и последовательности, тогда как колеблющийся в поисках правильного пути клеймится как перевёртыш. Одно достоверно, и это изречение достойно внимания всех законодателей, великих и малых, что стоят, дрожа на ветру, не решаясь, куда направить курс: правитель, следующий собственной воле, угождает по меньшей мере самому себе, тогда как тот, кто силится удовлетворить желания и капризы других, рискует не угодить никому. Нет ничего лучше, как решительно поставить на своём в минуту сомнения и предоставить делу идти своим чередом. Остановившиеся часы дважды в сутки показывают верное время, тогда как иные могут идти беспрестанно — и беспрестанно ошибаться.

Не укрылось это великодушное качество и от проницательности доброго народа Новых Нидерландов; напротив, столь поражены они были независимой волей и энергичной решимо-

стью, кою новый губернатор выказывал по всякому поводу, что единодушно прозвали его Hard Korrig Piet, то есть Питер Твердоголовый, или Крутолобый, — немалый комплимент крепости его разума.

Если из всего вышесказанного, достойный читатель, ты не заключишь, что Питер Стёйвесант был крепким, стойким, доблестным, выдавшим виды, пылким, упрямым, дублёным, львинодушным, великодушным старым губернатором, — то либо я писал совершенно без толку, либо ты чрезвычайно туг на выводы.

Этот превосходнейший губернатор приступил к своему правлению двадцать девятого мая тысяча шестьсот сорок седьмого года — день на редкость бурный, отмеченный во всех современных ему альманахах, дошедших до нас, под именем «Ветреной Пятницы». Будучи весьма ревнив к своему личному и должностному достоинству, он был приведён к присяге с великой торжественностью: добротное дубовое кресло прославленного Воутера Ван Твиллера бережно сохранялось для подобных случаев, точно так же как кресло и камень в Скуне, в Шотландии, благоговейно сохранялись для коронации каледонских монархов.

Не могу не упомянуть, что бурное состояние стихий, вкупе с тем злополучным днём недели, что зовётся «висельным днём», не преминули вызвать немало серьёзных догадок и весьма основательных опасений среди наиболее старых и просвещённых жителей; а иные из мудрейших представительниц прекрасного пола, слывшие немало искушёнными в тайнах астрологии и гадания, прямо объявили, что это предвестия бедственного правления, — предсказание, впоследствии, увы, полностью подтвердившееся и вне всякого сомнения доказывающее мудрость внимания к тем сверхъестественным намёкам, что подают нам сновидения и видения, полёт птиц, падение камней и гоготание гусей, на кои столь полагались мудрецы и правители древности, — или же тем падающим звёздам, лунным затмениям, вою собак и трепету свечей, кои тщательно подмечают и толкуют оракульские сивиллы наших дней, являющиеся, по моему скромному мнению, законными наследницами и хранительницами древней науки гадания. Достоверно одно: губернатор Стёйвесант вступил на правительственное кресло в бурную пору, когда враги теснились и грозили извне, когда анархия и упрямая оппозиция бушевали внутри; когда власть их Высокомоций Господ Генеральных Штатов, хоть и подкреплённая бережливостью и защищаемая речами, протестами и прокламациями, шаталась до самого своего основания; и когда великий город Новый Амстердам, хоть и укреплённый флагштоками, трубами и ветряными мельницами, казался, точно некая прекрасная дама лёгкого поведения, открытым для нападения и готовым уступить первому же захватчику.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.